

2.1 Ф.М. Достоевский и Данте: аспекты сопоставления

Данте Алигьери и его «Божественную комедию» можно причислить к произведениям, составляющим мировую литературу в том смысле, который подразумевал Гете, впервые вводя это понятие. «Божественная комедия» была написана в период с 1307 по 1321 гг. и представляет собой один из самых значительных памятников литературы Средневековья, методично вобравший в себя научные, политические, философские и богословские реалии своего времени. Автор последовательно, согласно со своим путешествием, представляет читателю богатейшую энциклопедию человеческих нравов и судеб, многие из которых значительным образом повлияли на ход истории и развитие мировой культуры, что сообщает произведению Данте небывалый масштаб. Справедливо сам Данте оценил свой труд в тексте поэмы, причисляя себя к «славнейшей из школ», «чьи песнопенья вознеслись над светом»¹¹⁵, становясь в один ряд с Гомером, Горацием, Овидием, Лукианом и Вергилием.

О Данте написано множество исследований, прежде всего, в Италии. В русскую культуру Данте и его «Божественная комедия» начинают входить с первыми переводами, которые были осуществлены еще до начала XIX в. М.П. Алексеев показывает в своем труде, как шло знакомство с итальянским поэтом в России, и указывает на факторы,

¹¹³ Шевырев С.П. Избранные труды. М., 2010. С. 81-110.

¹¹⁴ Lo Gatto E. Saggi sulla cultura russa. Roma, 1925. P.168.

¹¹⁵ Данте А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 52.

которые способствовали органичности восприятия Данте. Среди них ученый называет распространенность в русской «низовой» литературе до конца XVIII в. апокрифических «хождений по мукам» и «разговоров в царстве мертвых» (среди них, например, «Хождения Богородицы по мукам»). Другим немаловажным фактором стало повсеместное увлечение итальянской культурой в 1810-1820-х гг., усиленное культом Италии в среде французских романтиков, воплощавших в своих произведениях итальянские реалии. Оба этих факта, отмеченных М.П. Алексеевым будут важными и в связи с Ф.М. Достоевским¹¹⁶.

На исходе первой трети XIX в., по словам А.А. Асояна, «суровый тосканец <...> стал в глазах русского читателя олицетворением итальянской литературы, ее полномочным представителем»¹¹⁷. Несколько вариантов «Божественной комедии» хранилось в библиотеке В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, П.Я. Чаадаева и многих других деятелей русской культуры.

Как уже говорилось выше, «Божественная комедия» Данте легла в России на благодатную почву, подготовленную сначала романтиками, которые вдохновлялись поэтическим даром Данте, его образами нездешнего мира, с этим связан большой интерес к творчеству Данте в начале XIX в., когда в русской литературе мощно развивалась поэзия. Когда же внутренние процессы в русском обществе переменились, когда время стало требовать эпических форм художественного осмысления реальности, Данте обрел новую актуализацию – в «Божественной комедии» стали прочитывать эпическое начало. В частности, в уже упомянутой работе М.П. Алексеева содержатся указания на то, что поэма Данте в России соответствовала эпическим ожиданиям. Сходная тенденция наблюдается и в начале XX в., когда символисты буквально беседовали с Данте, обращаясь к нему со страниц своих поэтических произведений. Высокий интерес к творчеству Данте был у Вячеслава Иванова, Анны Ахматовой, Валерия Брюсова и других поэтов, и они снова возродили текст великого итальянца для русской литературы.

Конечно, множество литературных связей и откликов на дантовский текст не оставило равнодушными исследователей-литературоведов. Существует большое количество работ, посвященных разработке различных аспектов влияния и взаимодействия «Божественной комедии» Данте с творчеством русских писателей, среди которых можно назвать имена А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А. Ахматовой, Вяч. Иванова и других¹¹⁸. Однако Достоевский в этих рядах не обнаруживается, насколько нам стало

¹¹⁶ Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 125.

¹¹⁷ Асоян А.А. Данте и русская литература. Свердловск, 1989. С. 7.

¹¹⁸ См. Лебедева О.Б. Образы Неаполя в творческом сознании А.С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. Филология: научный периодический журнал. Томск, 2010. №10;

известно, обширного исследования влияния Данте на творчество Достоевского пока не производилось. Это можно связывать с тем, что такого влияния просто не существовало или же оно было незначительным. Но это заключение не дают совершить, во-первых, отдельные филологические труды, в которых есть важные замечания об отношениях Данте и Достоевского, а также некоторые особенности творческой манеры русского прозаика. Думается, что рассмотрение произведений Достоевского через призму дантовской поэмы может углубить понимание некоторых художественных констант его творчества и значительным образом расширить угол зрения на Достоевского.

Не приходится сомневаться, что «Божественная комедия» была прочитана Достоевским, и он в полной мере осознавал ее значение. Однако свидетельства об этом произведении Данте мы находим в текстах русского писателя нечасто. В статистическом словаре языка Достоевского фиксируется четыре обращения автора к имени Данте, три из них – в художественных произведениях, и однажды Достоевский упоминает Данте в критическом сочинении¹¹⁹. Существует упоминание Достоевского непосредственно о «Божественной комедии», которое обнаруживается в редакционном предисловии к напечатанному в журнале «Время» переводу «Собора Парижской богородицы» В. Гюго в 1862 г. В этом предисловии Достоевский утверждает, что «основной мыслью всего искусства девятнадцатого столетия» явилась идея «восстановления погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков»¹²⁰, которая наиболее полно выразилась в творчестве Гюго. Русский писатель высказывает уверенность в том, что в недалеком будущем эта идея получит свое воплощение в произведении несравненно более широком по замыслу и значительном по художественному масштабу, которое ясно и могущественно выразит характеристику и стремления своего времени так же «полно и вековечно», как выразила свою эпоху «Божественная комедия» Данте. Становится понятно, что Достоевский считал поэму Данте своего рода образцом произведения, в котором автору во всей полноте удалось отразить суть своей эпохи, и в то же время причислить свое сочинение к ряду мировых литературных памятников. Важно помнить, что данное предисловие считается исследователями одним из основополагающих эстетических манифестов Достоевского, в котором он выявил в творчестве Гюго те положения, которые стремился воплотить в собственных произведениях.

Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования. М., 2009. 288 с.; Вацура В.Э. Пушкинская пора. СПб: Академический проект. 2000., С. 235-253; Лотман Ю.М. «К проблеме Данте и Пушкин» // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л: Наука, 1980. С. 90—91; Хлодовский Р.И. Анна Ахматова и Данте // Тайны ремесла: Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992. С. 75-92.

¹¹⁹ Шайкевич А.Я. Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. М., 2003. С. 78.

¹²⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 20. Л., 1980. С. 28.

Интересны в связи с приведенными выше словами Достоевского свидетельства о разработке замысла большого романа «Житие великого грешника», зафиксированные в письмах и воспоминаниях. Как известно, роман должен был иметь трехчастную структуру (что само по себе может представлять отсылку к поэме Данте), но главное, что именно этот роман мыслился как произведение, которое по своему масштабу, охвату, проблематике быть соразмерным времени и личностям, в нем живущим. Именно поэтому рядом с фигурами вымышленных героев или лиц, образы которых родились в результате переработки собственного жизненного опыта и связаны с биографией Достоевского, в замысле романа присутствуют исторические образы-обобщения: Чаадаев, Белинский, Грановский, Пушкин, инок Парфений, Тихон Задонский и др. У Достоевского появляется мысль сделать монастырь, куда действие должно перенестись во второй части эпопеи, обобщенным, условным местом действия, «где должны собраться — под другими именами — несходные по своим взглядам деятели русской истории и культуры, действовавшие в разные времена и на различном поприще — литературном, университетском, религиозном и т. д., — для того чтобы помериться силами в споре по важнейшим вопросам русской жизни и человеческого бытия вообще»¹²¹. Такое понимание замысла Достоевского предлагает Г.М. Фридлиндер в комментариях к роману «Братья Карамазовы», он отмечает, что подобная идея «собора» различных русских мыслителей разного времени в одном художественном тексте оригинальна даже в рамках творчества Достоевского и склонен более сопоставлять эту идею с «Божественной комедией» Данте, чем с традицией реалистического романа XIX в.¹²², что вполне закономерно, если иметь в виду слова самого Достоевского о необходимости создания подобного произведения в XIX столетии.

При обращении к «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского»¹²³, обнаруживается всего три упоминания о Данте, и примечательно, что каждое будет связано исключительно с произведением Достоевского «Записки из мертвого дома». Среди них отзывы И.С. Тургенева, А.П. Милюкова, и А.И. Герцена. Тургенев отмечает, что «картина бани просто дантовская»¹²⁴, Милюков дает более развернутую характеристику: «"Записки из Мертвого дома" производили потрясающее впечатление: в авторе их видели как бы нового Данта, который спускался в ад тем более ужасный, что он существовал не в воображении поэта, а в действительности»¹²⁵. И третий отзыв Герцена

¹²¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 15. Л., 1985. С. 399.

¹²² Там же.

¹²³ Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. Т. 1. СПб., 1993. 530 с.

¹²⁴ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 4. М., 1987. С. 319-320.

¹²⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 211.

был напечатан в заметках «Новая фаза в русской литературе» спустя два года после того, как Достоевский сам вручил ему экземпляр «Записок...», когда повстречал Герцена в Лондоне. А.И. Герцен так сказал о произведении Достоевского: «...эта эпоха оставила нам одну страшную книгу, своего рода *Carmen horrendum*, которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад: это «Мертвый дом» Достоевского, страшное повествование, автор которого, вероятно, и сам не подозревал, что, рисуя своей закованной рукой образы сотоварищей-каторжников, он создал из описания нравов одной сибирской тюрьмы фрески в духе Буонарроти»¹²⁶.

Думается, что сравнение с Данте в данном случае вполне закономерно и даже симптоматично, поскольку первая часть поэмы Данте «Ад» неизменно производила глубочайшее впечатление на читателей, а «Записки из мертвого дома», со своей стороны, уже заглавием соотносятся со смертью, загробным, потусторонним миром, адом. В «Записках...» обнаруживаются прямые отсылки к «Божественной комедии»: восьмиглазый плац-майор, с рысьим взглядом, который также зовется Цербером, словно многоголовый страж Аида, преграждающий душам выход из царства мертвых. Эта же фигура сравнивается с пауком в центре паутины, от которого расходятся свитые им кольца, сходные с кругами ада¹²⁷. Все эти знаки Достоевский расставляет для того, чтобы его читатель смог в действительности оценить происходящее на каторге. Воздействуя на культурные ассоциации, писатель достигает ужасающего эффекта, сложного по своей природе, так как прочитанное у Достоевского отсылает сознание к ужасам ада, которые воплотил Данте, а потом снова возвращает к тексту «Записок...». Так произведение Достоевского приобретает другую глубину и в то же время отчетливость и понятность читателю, потому что воспринимающее сознание идет не напрямую от символа или знака к его первичному культурному воплощению, но проходит через дантовский текст.

Как пишет И.Н. Голенищев-Кутузов в работе «Творчество Данте и мировая культура», «Россия середины XIX в. представлялась русским писателям лишь мрачным адом на земле»¹²⁸, возможно, поэтому «Записки из мертвого дома» Достоевского у многих современников вызвали весьма определенные ассоциации и оказались как никогда актуальны.

Но, несмотря на связь этих двух произведений, существует немного работ, исследующих проблему взаимоотношений Данте и Достоевского, и они не имеют масштабного характера. Скорее исследователи, которых интересует творчество Данте и

¹²⁶ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 17. М., 1959. С. 219.

¹²⁷ Касаткина Т.А. Рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х гг. // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 191-213.

¹²⁸ Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 463.

феномен «Божественной комедии» одновременно с равнодушием к произведениям Достоевского, могут в отдельных статьях осуществлять некоторое сопоставление. Примером такого исследования может служить статья В. Кантора, в которой проводится сравнение романа О. Бальзака «Отец Горио» и «Преступления и наказания» Достоевского, при этом сравнение зиждется на признании особого места дантовской парадигмы, выраженной, прежде всего, в модели ада. По словам самого автора Данте, выступает в качестве «патрона», ориентира, а Бальзак и Достоевский — «как фигуры между собой равновеликие, но разные»¹²⁹. Так продолжается своеобразная традиция критиков и исследователей сопоставлять произведения Достоевского именно с «Адом» Данте. В. Кантор рассматривает пространство романа «Преступление и наказание» как пространство, близкое по духу к преисподней, и говорит о том, что в романе действуют реальные бесовские силы, которых поминает и сам Раскольников в особые минуты.

Интересны в этом ряду работы Е.И. Волковой «Русский Дант (Ад и Рай в художественном мире Достоевского)»¹³⁰ и Т.А. Касаткиной «Рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х годов»¹³¹. Авторы данных исследований также заинтересованы проблемой соотношения художественного пространства некоторых произведений Достоевского и пространства, обозначенного в поэме Данте. Это дает основания полагать, что существует некоторое типологическое сходство между двумя авторами.

Сопоставление данных авторов проводится исследователями по разным основаниям. В первую очередь, отметим сопоставление на уровне проблематики произведений в целом. В. Кантор отмечал, что Данте стал первым, кто запечатлел проблемы христианского мироощущения в художественной форме, сделал факты внутренней духовной жизни и переживаний достоянием литературы, а значит, утвердил их существование в объективной реальности. Думается, что произведения Достоевского в своей совокупности также обращаются, прежде всего, к проблематике духовной жизни, эмпирические бытописания в его текстах практически отсутствуют, или же они призваны иллюстрировать иную реальность – метафизическую. Это действительно говорит о глубинной связи Достоевского и Данте, но связь эта, в данном аспекте, скорее типологическая, поскольку тема духовных исканий человека – это вечная тема мировой литературы, а Достоевский стал одним из ее выразителей среди русских писателей. Но,

¹²⁹ Кантор В. В парадигме дантовского «Ада»: «Отец Горио» и «Преступление и наказание» [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/5/2k.html> (дата обращения: 15.05.2016).

¹³⁰ Волкова Е.И. Русский Дант (Ад и Рай в художественном мире Ф.М. Достоевского) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №2., 2002. С. 40-47.

¹³¹ Касаткина Т.А. Рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х гг. 2007. // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород, 2006. – С. 191-213.

имея в виду то, что Достоевский в последние годы все чаще осмысливается исследователями именно как религиозный писатель, можно говорить, что в его творчестве духовная, христианская проблематика занимала особое место.

Другой аспект, в котором возможно сравнение творчества Достоевского и «Божественной комедии» Данте имеет отношение к характеру содержания текстов и касается особого энциклопедизма произведений Достоевского и Данте, которые вобрали в себя весь многообразный спектр человеческих страстей, борений, исканий. В этом ключе, думается, особо актуально сопоставление последнего романа Достоевского «Братья Карамазовы» с поэмой Данте, так как именно в этом произведении были аккумулярованы многие образы и проблематика предшествующих произведений Достоевского. Это также можно связать с тем, что творчество русского писателя специфично направлено на воссоздание духовной жизни человека, поэтому и главными действующими лицами его произведений становятся характеры сильные, незаурядные, чуждые «теплоте» в том смысле, который придается этому определению в книге Апокалипсиса. Данте в своей поэме буквально каталогизирует человеческие греховные страсти, что позволяет сделать интересное сравнение, сопоставив их с картиной страстей, воспроизведенной Достоевским, что могло бы выявить некоторые национальные особенности в понимании человеческой природы.

Следующим важнейшим основанием для сравнения для творчества указанных авторов становится концепция художественного времени, которая реализуется у Данте и Достоевского. И здесь необходимо обратиться к труду М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»¹³². В этой работе Бахтин не раз прибегает к анализу «Божественной комедии» Данте для того, чтобы проиллюстрировать некоторые положения или сопоставить их с творчеством Рабле. Исследователь указывает на особую пространственно-временную организацию, которая влияет на аспект содержания: для Данте существенным различием становится положение выше или ниже. В его иерархии, явления, располагающиеся в горизонтальном срезе, не имеют существенных различий: «В дантовском мире мы почти не находим скольконибудь существенных образов дали и близости в реально-пространственном и временном смысле; он знает только иерархическую даль и близость»¹³³.

Но время, когда Данте творит свою поэму, уже кризисное для средневекового мироощущения, и в «Божественной комедии» происходит столкновение «вертикальной» и «горизонтальной» осей существования. Указанное столкновение реализуется, например,

¹³² Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4 (2). М., 2010. 747 с.

¹³³ Там же. С. 431.

во включении Данте в текст произведения диалогов со страдающими грешниками – в поэму входят не только их имена, но и истории жизни и прегрешений. Происходит одновременно подтверждение трансцендентного через земную реальность и противоборство двух разнонаправленных сторон, и в этом Бахтин видит «исключительную художественную силу» Данте¹³⁴. Именно такой, дантовский принцип организации времени и пространства можно наблюдать и в произведениях Достоевского, особенно в романах пятикнижия: активное смысловое ядро, которое движет коллизию в произведении составляют герои «вертикальные», вступающие в какие-либо отношения с метафизическим миром, а окружены они фигурами «горизонтального», бытового пространства.

Важно отметить, что Бахтин, назвав хронотоп «Божественной комедии» вертикальным, отметил, что он больше не воспроизводился в истории литературы с «такою последовательностью и выдержанностью»¹³⁵. Бахтин считает, что «наиболее глубокая и последовательная попытка» разрешить исторические противоречия своей эпохи «по вертикали вневременного смысла», «раскрыть мир в разрезе чистой одновременности и сосуществования» была предпринята Достоевским¹³⁶. В частности, Бахтиным выделяется хронотоп порога и смежный с ним хронотоп лестницы, которые, несомненно, восходят к сложной системе кругов Данте.

Кроме типологического сходства хронотопов, Бахтин останавливается еще на одном основополагающем для него понятии в творчестве Достоевского – полифонии. И в этом ученый видит сходство с Данте, утверждая, что Достоевский обладал особой одаренностью «слышать и понимать все голоса сразу и одновременно», сопоставимую с которой находим только у Данте. Именно это позволило Достоевскому создать свой полифонический роман.

Важнейшее замечание делает Р.Г. Назиров, в работе «Творческие принципы Ф.М. Достоевского» рассуждая о том, что для русского писателя «характерна “дантовская” ориентация», заключающаяся в глубинной идейной направленности на «гуманизм» Данте, который в качестве героя и автора собственной поэмы, сострадал грешникам, принимающим адские муки¹³⁷. Ученый утверждает, что Достоевский ориентировался именно на «Ад» Данте. Но, как отмечает Р.Г. Назиров, «эта глубинная ориентация заслоняется приемами авантюрного романа и всякого рода драматическими

¹³⁴ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4 (2). М., 2010. С. 431-432.

¹³⁵ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. М., 2010. С. 410-411.

¹³⁶ Там же. С. 411.

¹³⁷ Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов, 1982. С. 92.

(порою даже мелодраматическими) эффектами»¹³⁸. Данное замечание имеет существенное значение в связи с дальнейшими рассуждениями о Данте и Достоевском.

Указанные аспекты возможного сопоставления творчества Достоевского и Данте являются отправными точками для дальнейшего исследования и намечают некоторые значимые координаты.